Б.А. Ширяев,
доктор исторических наук

Н.В. Федоров,
кандидат исторических наук

Китай и страны Центральной Азии: военно-стратегический аспект отношений

Ширяев Борис Анатольевич
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Заведующий кафедрой американских исследований Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета
Доктор исторических наук
shiriaev@mai.sir.edu

Shiryaev Boris Anatolevich
St.-Petersburg, the Russian Federation
Head of the american researche department of the International relationships faculty of the St. Petersburg State University
Doc.hist.sc.
shiriaev@mai.sir.edu

Федоров Николай Викторович
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Доцент кафедры американских исследований Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета
Кандидат исторических наук
nfedorov@yandex.ru

Fedorov Nikolai Viktorovich
St.-Petersburg, the Russian Federation
Associate Professor of the american researche department of the International relationships faculty of the St. Petersburg State University
Cand.hist.sc.
nfedorov@yandex.ru

В период обострения отношений между СССР и Китаем в 60-е – начале 80-х годов линия противостояния между двумя державами проходила в том числе и по границе Китая с советскими среднеазиатскими республиками. Напряженность в отношениях, неурегулированный вопрос с демаркацией границы и концентрация войск в приграничной зоне нередко оборачивались вооруженными столкновениями (как, например, в 1969 году у озера Жаланашколь). Ситуация стала меняться в середине 80-х годов после начала процесса нормализации советско-китайских отношений. Снизилась напряженность на границе, стало развиваться региональное торгово-экономическое сотрудничество, начались переговоры по урегулированию пограничных вопросов.

Однако после распада Советского Союза ситуация изменилась. Крах советской сверхдержавы создал для Китая потенциальные возможности для укрепления своих позиций в бывших среднеазиатских республиках СССР – регионе, в котором Китай ранее не занимал прочного положения. Однако после распада Союза в регионе сложился «силовой вакуум» и вместе с ним – новые проблемы для китайской региональной политики.[1] Ситуация осложнялась нестабильной ситуацией в новых независимых государствах Центральной Азии и угрозами, которые она представляла для Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) КНР. Обретение советскими республиками независимости оказывало серьезное моральное влияние на развитие уйгурского сепаратистского движения в СУАР, которое к тому же могло получать поддержку со стороны уйгурских диаспор и экстремистских группировок в центрально-азиатских государствах.[2] Вместе с тем, курс, взятый КНР на проведе-

[1] Sutter R. Durability in China's Strategy toward Central Asia – Reasons for Optimism.//China and Eurasia Forum Quarterly. – 2008. – Vol. 6, N. 1. – P. 6–7.
[2] Sheives K. China Turns West: Beijing's Contemporary Strategy towards Central Asia.// Pacific Affairs. – 2006. – Vol.79, N. 2. – P. 209.

ние внутренней модернизации, требовал не только обеспечения стабильности в отношениях с соседними государствами, но и определенной сдержанности во внешней политике, что делало какие-либо прямые действия Китая в регионе Центральной Азии нежелательными. Китай рассматривал Центральную Азию как свой «стратегический тыл» и в качестве своих основных целей в регионе видел сохранение лояльности стран региона и недопущение контроля над ними со стороны великих держав.[3]

Одной из первоначальных задач Китая стало продолжение процесса мирного урегулирования, начатого еще в середине 80-х годов. Однако теперь это урегулирование стало носить многосторонний характер. 26 апреля 1996 года Россией, Китаем, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном было подписано Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы. Год спустя, 24 апреля 1997 года в Москве теми же странами было подписано Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Подписавшие соглашения государства стали именоваться «Шанхайской пятеркой», и их саммиты стали регулярными. Данные соглашения создали основу для расширения взаимодействия между Россией, Китаем и странами Центральной Азии, в том числе и в вопросах безопасности. Стороны продемонстрировали друг другу готовность к диалогу и миролюбивой внешней политике. Стабильность в приграничной зоне была важна для всех сторон. Россия и страны Центральной Азии могли не опасаться возобновления конфронтации с Китаем (что было особенно важно в условиях их относительной слабости в тот период), а Китай получал определенные гарантии того, что его соседи на севере и северо-западе не войдут в состав блоков, потенциально враждебных КНР из страха перед китайской угрозой.

В 1990–2000-е годы Китай продолжил урегулирование пограничных вопросов с государствами Центральной Азии на двусторонней основе. Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан сделали ряд территориальных уступок Китаю в спорных районах. Продолжился и процесс демилитаризации границы. В частности, в рамках дополнительных соглашений о государственной границе между КНР и Казахстаном последний пошел на ликвидацию значительной части инженерно-фортификационных сооружений на границе.[4]

К концу 90-х годов формат встреч «Шанхайской пятерки» расширился до обсуждения вопросов внешней политики, экономики, гуманитарного сотрудничества, что сделало возможным оформление системы саммитов и консультаций в новую региональную организацию. 14–15 июня 2001 года на встрече глав государств «Шанхайской пятерки» и Узбекистана в Шанхае было объявлено о создании Шанхайской организации сотрудничества. В Декларации ШОС в качестве главной цели было провозглашено стремление к миру и стабильности в Центральной Азии и развитие сотрудничества в различных сферах. В подписанной на той же встрече конвенции стороны выражали готовность совместно противостоять угрозам терроризма, сепаратизма и экстремизма.[5]

Еще большее влияние на положение в регионе оказали события 11 сентября 2001 года и развернувшаяся после них антитеррористическая операция США и их союзников против движения Талибан в Афганистане. Отношение Китая к проводимой операции было двойственным. С одной стороны, падение режима талибов снижало угрозу распространения исламского экстремизма на территорию СУАР со стороны Афганистана. Кроме того, в обмен на лояльное отношение КНР к проводимой в Афганистане операции США включили организацию

[3] Кушкумбаев С. К. Опыт ШОС во взаимодействии Китая со странами Центральной Азии // Центральная Азия – Китай: Состояние и перспективы сотрудничества: Материалы международной конференции 4–5 июня 2008 г. – Алматы, 2008. – С. 66.

[4] Лузянин С.Г. Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. – М., 2009. – С. 92.

[5] Шанхайская конвенция. 15.06. 2001 г. <http://www.sectsco.org/RU/show.asp?id=82>

уйгурских сепаратистов «Исламское движение Восточного Туркестана» в список террористических организаций. В то же время, появление американских баз в Узбекистане и Кыргызстане и общая активизация политики США в Центральной Азии сильно беспокоили Китай.[6] Действия США не ограничивались использованием Центральной Азии в качестве плацдарма для операций против талибов. Проект Вашингтона «Большая Центральная Азия» был направлен на решение двуединой задачи – «ослабление в расширенной за счет Афганистана Центральной Азии влияния России и Китая с последующим установлением своего доминирования здесь, которое обеспечит им контроль ресурсов и коммуникаций региона».[7] Также Китай видел в американском присутствии в Центральной Азии потенциальную угрозу своим северо-западным границам, одно из звеньев цепи военных баз, направленных на окружение КНР. Эти опасения не были безосновательными. Так, в 2004 году США обратились к руководству Кыргызстана с требованием разрешить размещение на авиабазе Манас разведывательных самолетов Е-3А для полетов вдоль границ с Китаем.[8] В связи с этим Китай последовательно настаивал на временном статусе американских баз в Центральной Азии и ограничении их задач борьбой с терроризмом.[9]

В свою очередь Россия, Китай и государства Центральной Азии стали укреплять взаимодействие в рамках ШОС. В июне 2002 года была создана Региональная антитеррористическая структура (РАТС). Странами ШОС стали проводиться совместные военные учения, направленные на противодействие терроризму, непременным участником которых стал Китай. Часть этих учений прошли на территории Центральной Азии. Первой военной инициативой стран ШОС стали состоявшиеся в октябре 2002 году двусторонние учения КНР и Кыргызстана, организованные в приграничном высокогорном районе. В августе 2003 года в учениях «Взаимодействие-2003», проходивших на территории Казахстана и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, принимали участие военнослужащие России, Китая, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. В сентябре 2006 года состоялись учения «Взаимодействие-2006» с участием КНР и Таджикистана, проходившие на полигоне Момирак в Таджикистане. В 2010 году на полигоне Матыбулак в Казахстане прошли учения «Мирная миссия-2010», в которых принимали участие Россия, КНР, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Для Китая участие в подобных учениях является не только вкладом в противодействие общим угрозам, но и одним из важнейших мероприятий в рамках военной дипломатии, а также приобретением опыта развертывания своих вооруженных сил на различных театрах.

Одновременно с укреплением интеграции в ШОС в Центральной Азии стала развиваться деятельность другой международной организации – Организации Договора о коллективной безопасности, созданной 14 мая 2002 года Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном – странами–участниками Договора о коллективной безопасности. В 2006 году в состав ОДКБ вошел Узбекистан. В отличие от ШОС Организация договора о коллективной безопасности носила характер военно-политического блока.

По мнению эксперта из Казахстана К.Л. Сыроежкина, ОДКБ была выгодна в первую очередь России, поскольку обеспечивала ее «военно-политическое присутствие» в Центральной Азии и локализацию попыток армий региона уйти под «зонтик безопасности» США, НАТО или Китая».[10] Также, как считает К.Л. Сыроежкин, ОДКБ обладает возможностями, чтобы не допустить вмешательства третьих стран (в том числе и Китая) в дела государств,

[6] Sheives K. China Turns West. P. 220.

[7] Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. – М., 2009. – С. 11.

[8] Указ. соч. С. 62.

[9] Кушкумбаев С. К. Опыт ШОС во взаимодействии Китая со странами Центральной Азии. С. 64.

[10] Сыроежкин К. Л. Новая архитектура безопасности в Центральной Азии// Центральная Азия – Китай. С. 59.

входящих в эту организацию.[11] Таким образом, развивая структуры ОДКБ, Россия рассчитывала создать определенный противовес не только локальным угрозам и влиянию Запада в регионе, но и расширению роли Китая.

Что касается ШОС, то ее деятельность поразному оценивается и Россией, и Китаем. Если для России Шанхайская организация сотрудничества была структурой, координирующей усилия ее участников в сфере безопасности, то Китай рассматривает ШОС среди всего прочего как своеобразный мост к расширению торгово-экономического сотрудничества со странами Центральной Азии. Для КНР экономическое взаимодействие с Центральной Азией означает, в первую очередь, развитие сотрудничества в энергетической сфере. Этим Китай рассчитывает диверсифицировать источники поставок углеводородов для своей растущей экономики. Для Китая было важно найти альтернативу поставкам нефти и газа с традиционно нестабильного Ближнего Востока (к тому же проходящим по достаточно уязвимым морским коммуникациям). Центральная Азия в этих условиях представляется более надежным поставщиком с точки зрения безопасности маршрутов доставки углеводородов. Страны Центральной Азии для Китая стали не только «стратегическим тылом», но и «стратегическими резервами» в плане обеспечения энергетической безопасности.

Что же касается ОДКБ, то Китай считает ее военно-политической организацией, в то время как ШОС, с его точки зрения, – политико-экономический блок. В силу этого Китай не стремится укреплять партнерство с ШОС и ОДКБ. Он опасается превращения ШОС в военный альянс, а также того, что интеграция ШОС и ОДКБ усилит позиции России, которая может опереться на Армению и Беларусь.[12] Китай, в принципе, рассматривал превращение ШОС в аналог «Восточного НАТО» как обузу для себя, поскольку одним из приоритетов его оборонной и внешней политики являлось (и является) стремление избегать открытой конфронтации, в том числе не участвуя в связывающих его военно-политических союзах.[13]

Именно поэтому Китай с беспокойством воспринимал усилия России по развитию взаимодействия между ШОС и ОДКБ. 5 октября 2007 года в Душанбе на «тройном» саммите стран СНГ, ЕврАзЭс и ШОС был все-таки подписан Меморандум о взаимопонимании между секретариатами ШОС и ОДКБ. По настоянию Китая соглашение было подписано именно между секретариатами, а не между самими организациями.

Созданию полноценного военно-политического блока в регионе Центральной Азии препятствуют различие целей и приоритетов среди региональных держав. Ряд стран Центральной Азии (в первую очередь Казахстан) стремятся поддерживать военно-политические связи не только с Россией, но также с НАТО и США. Китай также развивает двустороннее военное сотрудничество со странами Центральной Азии, которое, впрочем, пока невелико по сравнению с сотрудничеством государств региона со странами Запада в этой области.

Участники ОДКБ и ШОС не готовы связывать себя условиями, носящими характер прямых военных обязательств. Для ШОС в настоящее время характерной тенденцией стало расширение как круга рассматриваемых ею задач, так и заинтересованных в ее деятельности государств (что выражается в принятии в организацию государств-наблюдателей и партнеров по диалогу). Китай такое положение полностью устраивает, так как оно позволяет избежать региональной конфронтации, создает определенное равновесие и дает возможность решать многие спорные проблемы в рамках политического диалога, экономического сотрудничества или «мягкой силы».

Подобная тактика поведения определяется во многом современным курсом внешней по-

[11] Указ. соч. С. 60.

[12] Haas M. de. The Shanghai Cooperation Organization' Momentum towards a Mature Security Alliance // Scientia Militaria. – 2008. – N. 36(1). – P. 22.

[13] Клименко А. К вопросу об эволюции военной политики и военной стратегии Китая.//Проблемы Дальнего Востока. – 2004. – № 2. – С. 64.

литики Китая. Что же касается дальнейшего развития событий, то, по мнению китайских экспертов, «...в перспективе, возможно, рассматривается создание условий для военно-стратегического присутствия самой КНР в регионе».[14] Фактором, влияющим на изменение линии поведения Китая в регионе, может стать резкое обострение обстановки, которое создаст угрозу для стратегических интересов КНР в Центральной Азии или для самой китайской территории. Еще в 1999 году во время саммита «Шанхайской пятерки» Китай предлагал Кыргызстану помощь в отражении вторжения боевиков-исламистов в Баткенский район.[15] Китай с беспокойством воспринял волнения в 2005 году в Кыргызстане и Узбекистане, опасаясь эскалации конфликта в СУАР. Это заставило руководство КНР поддержать тогда действия Президента Узбекистана И. Каримова.[16] В силу этого, по нашему мнению, для сохранения стабильной обстановки в регионе необходимо противодействие угрозам, которые несут с собой экстремистские и террористические группировки. Опасность с их стороны заключается не только в дестабилизации внутренней обстановки в странах региона, но и в эскалации напряженности, которая может вызвать обострение отношений между государственными акторами. Борьба с такими угрозами могла бы осуществляться в рамках ШОС совместно с другими региональными организациями, однако препятствием этому служит различное восприятие этих угроз странами региона (примером тому могут служить события в Ошской области Кыргызстана в 2010 г.). Исходя из подобных соображений, в рамках ШОС в настоящее время укрепляется взаимодействие по вопросу стабилизации ситуации в Афганистане. Президент России Д. А. Медведев в своем выступлении на саммите Шанхайской организации сотрудничества в Астане в июне 2011 года отметил: «Афганистан – наш сосед, и его участие в деятельности Организации может быть более тесным. Насколько я понимаю, в настоящий момент с этим согласны все участники нашего форума. От этого в конечном счете зависит и то, как будет идти процесс политической стабилизации в стране, от ситуации в которой в значительной мере зависит безопасность наших государств».[17] Как пишет американская газета «Крисчен сайенс монитор», «ШОС крайне обеспокоена возможным провалом миссии НАТО в Афганистане, а также возвратом этой страны к анархии».[18] Дестабилизация обстановки в Афганистане может вызвать цепную реакцию в странах Центральной Азии, что, в свою очередь, скажется на безопасности КНР. Соответственно, если ситуация в Афганистане после вывода сил НАТО станет неконтролируемой и превентивные меры ШОС окажутся безрезультатными, то это может стимулировать более активное взаимодействие в рамках организации для противодействия общей угрозе. Пока же существование относительного равновесия в Центральной Азии между США, Россией и Китаем часто мешает в должной мере противодействовать угрозам, которые прямо или косвенно могут полностью дестабилизировать региональную обстановку, поскольку принятие радикальных мер грозит нарушить стабильность сложившегося баланса сил.

Ключевые слова: Центральная Азия; ОДКБ; ШОС; военное сотрудничество; демаркация границы; операция НАТО в Афганистане; региональная стабильность.

Keywords: Central Asia; CSTO; SCO; demarcation of borders; NATO operation in Afghanistan; regional stability.

[14] Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества. С. 83.

[15] Костюхин А. Состояние военно-промышленного комплекса государств Центральной Азии и потенциал их военно-технического сотрудничества с зарубежными странами в 1990-е годы.//Зарубежное военное обозрение. – 2009. – № 8. – С. 25.

[16] Баранов А.Ю. Треугольник США – РФ – КНР и ШОС//Азия и Африка сегодня. – 2009. – № 9. – С. 58.

[17] Медведев Д. А. Выступление на заседании Совета глав государств–членов ШОС в расширенном составе. 15.06.2011 < http://kremlin.ru/transcripts/11578>

[18] Weir F. Afghanistan looms large at SCO security group meeting //Christian Science Monitor. 15.06.2011. <http://www.csmonitor.com/World/Europe/2011/0615/Afghanistan-looms-large-at-SCO-security-group-meeting/%28page%29/2>